УДК 316.7:7.06
DOI: 10.17223/22220836/31/29

Ю.Е. Архангельский, М.К. Найденко, В.И. Лях

СУЩНОСТНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье выделяются сущностные внутренние противоречия советской культуры, которые диктуют вывод об ущербности редуцирования данного феномена к тоталитарному типу. Концепт культуры советского общества имеет сложную архитектонику: ведущей культурной парадигмы (советская культура) сопутствовали отдельные «субкультурные» образования, ценностно и стилистически неоднородные ей. Советская культура одновременно существовала и как идеологема культурной политики СССР, и как социокультурный организм, жизнь которого предопределяла парадигму развития культуры советского общества на историческом рубеже между 1920-ми и 1990-ми гг.

Ключевые слова: *советская культура, онтогенетические противоречия, социалистический реализм, диалектика развития, культурология.*

Возрастающий исследовательский интерес к советской культуре как в отечественной науке, так и за рубежом обусловлен необходимостью осмысления роли этого феномена в культурной жизни советского общества в контексте развития отечественной и европейской культур, глобальных изменений парадигм культурного развития под воздействием социально-исторических потрясений XX в.

Следствием демократизации российского общества в 1990-х гг. стал иной, более широкий и разноплановый подход к трактовке сферы интересов социальных и гуманитарных наук. Во многом это было продиктовано стремлением преодолеть идеологическую зашоренность и ограниченность социально-гуманитарного знания советского времени, стремлением к усилению методологической интеграции на международном уровне. Труды Р. Пайпса, П. Кенези, Ш. Фицпатрик, Х. Гюнтера, Е. Добренко сегодня вошли в отечественный культурологический и социально-исторический дискурс наравне с наследием Н.Я. Марра, А.Ф. Лосева, Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина, В.С. Библера и др. Многообразие и разноплановость подходов к рассмотрению исторических феноменов культуры порождает и терминологические разночтения. Одной из категорий культурологического дискурса, нуждающихся в корреляции ее значения с постоянно пополняемым эмпирическим и теоретическим багажом, является понятие «советская культура».

В категориях культурной политики советского времени понятия «культура СССР», «культура советского общества», «культура советского народа», как и ряд связанных с ними производных, определялись идейным содержанием конструкта передовой советской культуры, противопоставленным концептам «культуры дореволюционной России», «культуры “загнивающего запада”», «культуры развивающихся стран» и т.д. Советская культура мыслилась как результат творчества и созидательного труда советского народа. На второй план отодвигалась роль уникальной личности художника. Художник обязан был являть собой пример воплощения образа советского человека, пози-

ционируемого в качестве нравственного идеала народа. Однако данный идеализированный конструкт имел и реальное содержание, которое не ограничивалось идеологической или пропагандистской работой. Культурные достижения, представляющие и сегодня непреходящую ценность [1], были не только предметом партийных отчетов, но и результатом реальной культурной жизни общества [2]. Можем предположить, что разногласия в плане определения советской культуры не только носят субъективный характер, обусловленный авторскими идейными позициями, но продиктованы сложностью и противоречивостью исследуемого феномена. Уточнение понятия советской культуры предполагает и раскрытие отдельных ее сущностных характеристик. Поэтому, ограничивая **объект исследования** отечественной культурой советского времени, акцентируем внимание на внутренних (сущностных) противоречиях, раскрывающих сложность советской культуры как культурного феномена, – это и есть **предмет исследования**.

В целом объект исследования предполагает три основные группы источников: научная литература и публицистика советского времени (М. Горький, А. Белый, В.И. Ленин, Д.С. Лихачев, А.В. Луначарский, А.Ф. Лосев, А.И. Манаенков, Н.Я. Марр, В.Э. Мейерхольд, Г.В. Чичерин и др.); работы о советской культуре, написанные зарубежными авторами (Х. Гюнтер, Е. Добренко, П. Кенез, П. Линке, Р. Пайпс, Ш. Фицпатрик, Д. Якоч и др.); новейшие подходы отечественных ученых (А.С. Ахиезер, М.Р. Балина, А.В. Бузгалин, Л.А. Булавка, А.В. Вислова, Н.С. Злобин, А.Ю. Зудин, И.Е. Кознова, В.М. Межуев, С.А. Никольский и др.).

В выбранном контексте особенно актуальна проблема корреляции понятий. Но и вокруг фундаментальных методологических проблем отечественной культурологии не утихает дискуссия.

Разнообразие культурологических подходов внушает сомнения даже в целесообразности культурологии как отдельной отрасли: междисциплинарные обобщения, по мысли В.М. Межуева [3. С. 5–11], – удел философии, а отдельные аспекты раскрываются науками, выработавшими собственный инструментарий (так, советская культура попадает в поле зрения социальной и политической истории, социальной психологии, искусствоведения и истории искусства, филологии, социологии и т.д.). Следуя логике уважаемого теоретика, места культурологии в исследованиях советской культуры вроде бы и нет.

Однако каждая отрасль знания, размежевываясь с другими, создает одновременно и область неисследованных аспектов культуры, не попадающих в ее предметное поле. Эта особая область, исходя из принципа целостности научной картины мира [4], становится не только предметом философского моделирования, но и специфической сферой научного знания, аккумулирующей методический инструментарий любых наук с целью наполнить теоретическими представлениями образовавшийся вакуум. Собственно, это и есть область культурологии, или culturalstudies.

Давая общую характеристику зарубежным исследованиям, А.К. Забулионите и Л.А. Коробейникова указывают, что, как правило, это эмпирические исследования кратких исторических периодов, а интерпретации культуры осуществляются «сквозь призму политических теорий» в попытке отделить культурный тезис от сущностных категорий культуры [5. С. 48]. Отсюда вы-

текает концепция множественности культур, системные связи между которыми носят абстрактный теоретический характер. Для отечественной же культурологии вопросы сущности и целостности культуры являются основными. По эволюции подходов к их решению авторы выделяют период позиционирования культурологии как классической науки (1990–2000 гг.) и новейший – постнеклассический период (с 2000 г.), для которого свойственно смещение интереса от системного конструктивизма к уникальности события [5. С. 51–55].

В условиях постнеклассического поворота [6] широту межпредметных связей культурологии следует отнести к достоинствам. Если другие науки определяются через разграничения, то специфику культурологии можно усмотреть в постоянном преодолении границ, поскольку ее объект как раз и расположен в пространстве между ними. Любое исследование расширяет представления о феномене культуры, по-своему моделирует ее сегменты или целостную картину. И хотя о выделении узкоспециального культурологического метода говорить пока преждевременно, кроме доступного культурологии инструментария смежных наук (например, социологии) можно выделить, на наш взгляд, два приема, особенно широко распространенных в исследованиях культуры. Первый – это моделирование концепции культуры (онтология целостности) или ее сегмента (типологическое моделирование) [5]. Второй – то, что А.Я. Флиер называет часто применяемым на практике, но «еще не отрефлексированным теоретически» методом «*культурной атрибуции*» [7. С. 24], – прием соотнесения культурного артефакта с той или иной моделью культуры и соответствующего его описания.

Обратим внимание на то, что между моделированием концепции культуры и типологическим моделированием много общего, хотя в первом случае релевантность модельных представлений определяется целостностью и универсальностью (широтой применимости к описанию феноменов культуры), а во втором – уникальностью и исключительностью культурных феноменов. Различия в направлении вектора исследования не исключают уникальность результата в обоих случаях и возможность суммирования достижений путем исключения парадоксов. Целенаправленное совмещение этих двух типов моделирования в рамках культурологических исследований, на наш взгляд, имеет значительный эвристический потенциал, реализация которого приближает нас к обоснованию специального метода *культурологического моделирования*.

Описанный А.Я. Флиером метод дополняет культурологическое моделирование анализом эмпирического материала (духовных и материальных артефактов культуры) в рамках существующих моделей. Единственное дополнение к его обоснованию, которое хотелось бы сделать, заключается в уточнении введенного им термина. Культурную атрибуцию можно описать феноменологически как распространенную в повседневности практику. Подобно большинству теоретических методов, культурная атрибуция имеет аналог в системе повседневного знания. Поэтому, на наш взгляд, было бы уместно говорить о *культурологической атрибуции* как специальном конкретно-научном методе условного разграничения, поскольку повседневность часто оказывается в центре внимания исследований культуры.

Синтез культурологических методов моделирования и атрибуции позволяет предполагать, что возможен и *целостный культурологический анализ*, который бы включал в себя максимум возможных граней. Исходя из этого, ряд противоречий советской культуры, свидетельствующих о ее сложности, позволяет не только уточнить основное понятие, но и сформировать позицию дальнейшего целостного культурологического анализа данного культурного феномена.

В рамках нашего исследования мы выделяем две устоявшиеся в культурологии и основные, на наш взгляд, модели отечественной культуры XX в.: культуру советского общества (sovietsociety) и советскую культуру (sovietculture). Обе модели применимы в плане раскрытия предмета исследования, хотя и нуждаются во взаимной корреляции. Путем отнесения представлений о советской культуре, сформированных различными исследователями к двум указанным выше моделям, и путем анализа эмпирического материала, на основе которого осуществлялось исходное моделирование, решается задача описания **онтогенетических противоречий** советской культуры, раскрывающих диалектику ее развития.

Понятие «советская культура» созвучно нескольким распространенным терминам теоретического дискурса, имеющим в то же время существенные различия: «культура Советской России», «культура СССР», «культура советского общества», «культура советского времени»…

Понятие «культура советского времени» имеет четкие исторические границы с момента провозглашения победы советской власти в октябре 1917 г. и до последовавшего 8 декабря 1991 г. соглашения глав РСФСР, Белоруссии и Украины о прекращении существования СССР. Те же рубежи у концепта «культура Советской России», ограниченного регионально, а с 1922 г. можно говорить о культуре СССР. В некоторых исследованиях (П. Кенез [8] и др.) встречается синонимичное употребление терминов (Soviet Russia, Soviet Union, Soviety, Soviet Society и др.), означающих разные названия СССР, что вызывает путаницу и сложности перевода, когда исследователь обращается к вопросам культуры и идентификации советского общества [9]. И все же, когда речь заходит об особой идентичности советского человека (homosovieticus [10. С. 7]), большинство исследователей (Р. Пайпс, П. Кенез, Ш. Фицпатрик, Х. Гюнтер, М.Р. Балина, Е.А. Добренко и др.) сходятся во мнении, что существовал и функционировал некоторый культурно-исторический феномен, составной частью и результатом которого стала специфическая ценностная организация личностной культуры человека. Образ советского человека занимает центральное место в художественной культуре СССР. Но не только художественная культура его формировала. Поэтому существенны разграничения между понятием «культура советского общества», имеющим, прежде всего социально-исторические коннотации (Р. Пайпс, П. Кенез, Ш. Фицпатрик и др.), и понятием «советская культура», в основу которого положены символические и стилистические категории (Х. Гюнтер, М.Р. Балина, Е.А. Добренко и др.).

Концепт «культура советского общества» имеет сложную архитектонику [11], состоящую из представлений о культурах: «официальной», народной, диссидентской, «лагерной», русского зарубежья и т.д. Это понятие шире уточняемого нами в данной работе: можно сказать, что культура советского

общества включала в себя ведущую культурную парадигму (советская культура) и отдельные субкультурные образования, ценностно и стилистически неоднородные ей. Благодаря работам, прежде всего, зарубежных ученых (Д. Рисмен [12], Д. Хэбдидж [13], М. Брейк [14] и др.), субкультурная стратификация сегодня рассматривается не как аномалия, свойственная сугубо молодежной среде, а как естественный результат и фактор культурной динамики; культурная парадигма в целом определяется в контексте взаимодействия ведущей составляющей и ведомых подсистем [15].

Обозначим сразу же фундаментальное **противоречие** советской культуры, вскрывающее диалектику ее развития: ведущая парадигма не может развиваться вне конфликта с противостоящими ей тенденциями, хотя как официальную доктрину советской культуры ее позиционировали в качестве единственной идеологически приемлемой («отвечающей запросам трудящихся»). Советская культура нуждалась в борьбе с «формализмом», «загнивающим западом», «врагами народа». Эта борьба составляла ее сущность. Но официальная доктрина культурной политики отвергала позитивность противоречий, осуществляя строгую цензуру. Советская культура, таким образом, существовала одновременно и как идеологема культурной политики СССР, и как социокультурный организм, жизнь которого предопределяла парадигму развития культуры советского общества.

На широком эмпирическом материале период становления советской культуры рассматривает Е.А. Добренко, определяя его продолжительность с конца 1920-х до начала 1950-х гг. [16. С. 5] и обстоятельно доказывая, что именно в это время сложились главные ее признаки, ведущим из которых стал соцреализм как механизм специфического оборота символического капитала. Можно согласиться и с общей концепцией «политэкономии соцреализма», отражающей просветительско-пропагандистскую доктрину официальной культурной политики Советской России, и с нижним историческим пределом. К концу 1920-х гг. организуются профессиональные общественные объединения творческой интеллигенции, публичная деятельность которых и утвердила концепцию соцреализма. Хотя не стоит забывать о публицистике А.В. Луначарского – автора концептов «пролетарский реализм» (1906 г.), «новый социальный реализм» (1920-е гг.) [17. С. 5] и одного из активных пропагандистов «социалистического реализма» [18] в начале 1930-х гг.

«Разумеется, – пишет Е. А. Добренко, – культура всегда производит замены, она всегда – еще и фабрика грез (одна из важнейших социальных функций искусства). Однако эти замены всегда либо футурроориентированы, либо обращены в прошлое. Специфика советской культуры в том, что замене подлежит здесь и сейчас протекающее настоящее. Речь идет об особого рода модальности: это не замена настоящего будущим, но попытка представить будущее настоящим. Если футуризм говорил о завтрашнем дне, то соцреализм претендует не только на завтра (и даже не столько на завтра!), сколько именно на сегодня. Все то, что производит соцреализм, есть уже сейчас, уже свершилось. Требуется поэтому радикальное эстетическое усилие, чтобы сделать это преображение настоящего убедительным (куда более радикальное, чем в футуризме)» [16. С. 26].

Е.А. Добренко дает оценку уже сложившейся эстетической концепции, но соцреализм ведь внедрялся в качестве революционной идеи пересмотра

эстетических принципов. Для становления стиля и выработки стилевого канона нужно множество произведений. Для следования канону необходимы примеры («лекало»), авторитетные персоналии, творчество которых убеждало бы в приемлемости новой эстетики. Необходима была творческая интеллигенция, которая бы встала на сторону строителей социализма. Таких, как Г.В. Чичерин, А.В. Луначарский, при всей значимости их искусствоведческой и просветительской деятельности, было явно недостаточно. Потому канонизация произведений (эпизодов творчества) М. Горького, В. Маяковского, А. Блока С.С. Прокофьева, И.О. Дунаевского, В.И. Мухиной, И.И. Бродского и других художников в качестве «истоков соцреализма» заложила еще одно важное **противоречие**, или даже парадокс – соцреализм как стиль и эстетическая концепция советской культуры с самого начала и на протяжении всей эпохи своего главенства в эстетических нормативах официального искусства СССР формируется из художественного материала различной стилистики (без эстетических принципов отбора в основании сделанных предпочтений), наследуя идеологические критерии оценки сюжетов, персонажей, действия, композиции и пр. В связи с этим в современном гуманитарном знании ведется активная дискуссия по поводу выработки критериев оценки содержания этого феномена.

А.В. Луначарский, как отмечает Л.А. Булавка [19. С. 397], задолго до становления советской культуры предвосхитил ее сущность и раскрывал критерии оценки ее содержания: искусство должно быть «не то что уж политическим – а прямо партийным!», «социал-демократическое творчество должно существовать и будет существовать… оно уже имеет свои задачи», «социал-демократия не просто партия, а великое культурное движение», «борьба социализма с капитализмом есть величайший культуркампф» (Вестник жизни. 1907. № 1. Январь) [20]. Впрочем, от идей и лозунгов до реального воплощения столь грандиозного культурного проекта пролегал долгий путь проб и ошибок, пока не были четко обозначены три основных методических принципа соцреализма: народность, идейность, конкретность.

Обосновывая генетическую природу советской культуры, Л.А. Булавка выделяет четыре противоречия социального творчества 1920-х гг., сформировавшего советскую культуру, и приходит к заключению, что «она не только художественно отражала кардинальные перемены действительности, …сама была той формой идеального, в котором находили свое разрешение самые разные противоречия» [19. С. 103–104].

В советской культуре уникальным образом совместились функции просвещения и компенсации реальности [21]. Подобной мощью преломления реальности обладает только миф. Советская культура – миф в его социальной функции, как определяет эту функцию А.Ф. Лосев [22. С. 527–532]. Архаичная специфика мифа реализуется, по мнению А. С. Ахиезера, в инверсионной логике мировосприятия [23. С. 72–78], отвергающей любые проявления иного (антитотема), воспринимающей иное только как угрозу собственной уникальности и целостности. Мифологичность советской культуры объясняет ее конфликтность, непримиримость к явлениям вне ее самой, существующим за пределами четких определений народности, идейности, конкретности.

В.М. Межуев пишет, что первая публикация в СССР ранних работ К. Маркса в 1960-х гг., породила первое поколение отечественных культуро-

логов [24. С. 7–8]. Наверное, стоит уточнить, что речь идет о реабилитации изучения культуры на базе марксистского деятельностного подхода. Труды же Н.Я. Данилевского, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, да и историко-культурные идеи В.С. Выготского, Н.Я. Марра, того же А.Ф. Лосева, многих других отечественных ученых советская культура не способна была объективно принять в силу идеологической ограниченности. Идеологически вредная, запрещенная или не поощряемая официально литература грозила советскому мифу разоблачением.

Хотя отечественную традицию исследований культуры можно восстановить начиная с работ А.С. Пушкина и П.Я. Чаадаева, она не прерывалась, огромный пласт литературы вплоть до конца 1980-х гг. был известен лишь узкому кругу специалистов.

Это не означает, что запрещенная литература совершенно не изучалась. Она особым образом входила в советскую культуру, как бы по другую сторону от официально разрешенной реальности.

Имманентное **противоречие** советской культуры состояло в том, что часть собственной реальности она тщательно скрывала. Это обстоятельство выражалось не только в постоянно расширяющемся объеме литературы, музыки, кинофильмов «не для всех» (засекречивались даже постановления правительства, решения пленумов ЦК КПСС и пр.). В искусстве и гуманитарных науках распространилась особая форма иносказания с функцией скрытого кода. А.Ф. Лосев пишет о греческих мифах, чтобы раскрыть мифологичность советской культуры, Д.С. Лихачев раскрывает ее в трудах о древнерусской литературе и охране памятников, а выстраивает концепт «примирения с историей» И.А. Ильина. В итоге И.Т. Касавин в одной из своих статей рассматривает иносказание как метод познания [25].

В сказках и комедиях ставились сложные официально неприемлемые философские вопросы. Вспомним любимые советским зрителем кинофильмы М. Захарова, В. Меньшова, Э. Рязанова и др. Прочесть эти коды официальная цензура не могла в силу собственной идейной ограниченности. Поскольку квазиэстетическая концепция соцреализма изначально формировалась как полистилистическая мозаика отдельных произведений отдельных авторов, идеологема советской культуры склеивалась, в том числе и из отдельных фрагментов содержания произведений, некоторой их части – поддающейся идеологической интерпретации, хотя бы в ущерб художественному содержанию.

Так, фильмы А. Довженко по тематике и сюжетной линии попадают в мейнстрим соцреализма, хотя по уровню философского содержания они гораздо глубже.

Например, образ Невесты в «Земле», ее «соло» занимает место «золотого сечения». Хореографическая сцена: девушка мечется между иконой и постелью (больше в комнате ничего нет) – так пронзительная до исступления драматическая кульминация символически сплавляет образы Земли и Церкви. Не вопрос ли это с множеством восклицательных знаков о сущности революционного проекта социального модерна? Не душа ли человеческая поставлена эпохой модерна на колени?! Собирательный образ бойца Первой мировой, отравленного газами, трансформируется в «нечеловека», которого пули не берут, – человека новой эпохи, бессмертного по своей сути, лишенного инди-

видуальности. Сплав бессмертной души и вечного ничто – ницшанский сверхчеловек, лермонтовский демон.

С верхней границей советской культуры, обозначенной Е.А. Добренко, можно согласиться лишь отчасти. К 1950-м гг. советская культура формируется в своей целостности. Военное и послевоенное поколение творческой интеллигенции (А.А. Фадеев, А.Т. Твардовский, К.М. Симонов, Д.И. Маевский, С.И. Осипов, Е.В. Вучетич и др.), в творческом смысле – дети советской культуры, продолжали определять ее содержание в контексте официальной доктрины вплоть до конца 1980-х гг. Можно сказать, на примере этого поколения, что к 1950-м гг. советская культура только начинает самовоспроизводиться как целостный социокультурный организм. Конечно же период жизни советской культуры, 1920–1980 гг., и сложные имманентные ее противоречия не позволяют редуцировать данный феномен к тоталитарному типу. Советская культура как часть и ведущая парадигма культурной жизни советского общества не ограничивается сталинской моделью. Либеральные модели (Р. Пайпс, П. Кенез, Ш. Фицпатрик, Х. Гюнтер, М.Р. Балина, Е.А. Добренко и др.) описывают сложный феномен фрагментарно, частично и потому должны быть включены в более широкий генетический контекст.

Обнаруженные онтогенетические противоречия советской культуры обусловливают следующий вывод: редуцирование этого феномена к тоталитарному типу культуры не позволяет теоретически раскрыть всю его сложную сущность. Обозначенные противоречия следует детальнее изучить, поскольку они раскрывают внутреннюю диалектику развития советской культуры, позволяют проследить ее генезис на историческом промежутке 1920–1990-х гг. Малоизучен период надлома советской культуры в 1980-х гг., когда творческая интеллигенция СССР перестает ориентироваться на стандарты соцреализма в концепциях и средствах самовыражения, хотя главной идеологемой советской культуры все еще остается требование удовлетворять массовый спрос на художественный продукт. В это же время и в отечественном социально-гуманитарном знании происходит разворот от ограниченной политэкономической догматики к интеграции в пространство международных предметных и межпредметных связей (А.С. Ахиезер, Г.А. Голицын, В.С. Библер, А.А. Леонтьев, В.М. Петров, Ю.М. Лотман и др.). В целом отечественная культура в 1980-е гг. переориентируется на межкультурный диалог и интеграцию. Ключевой вопрос исследования советской культуры на этом рубеже состоит в определении причинности социальных трансформаций, также как на момент становления советской культуры: какой внутренний импульс и какие закономерности инерции культурных изменений повлекли за собой трансформацию советского общества?

Подводя итог, выделим три сущностных противоречия советской культуры, позволяющие рассматривать данный феномен в качестве органического целого, развивающегося в культуре советского общества в период между 1920-ми – 1990-ми гг.

Во-первых, ведущая парадигма не могла развиваться вне конфликта с противостоящими ей тенденциями, в то время как официальная доктрина советской культуры считалась единственной идеологически приемлемой, «отвечающей запросам трудящихся».

Во-вторых, соцреализм как стиль и эстетическая концепция советской культуры с самого начала и на протяжении всей эпохи своего главенства в эстетических нормативах официального искусства 1920-х – 1980-х гг. формировался из художественного материала различной стилистики, без эстетических принципов в основании отбора, наследуя идеологические критерии оценки сюжетов, персонажей, действия, композиции и пр.

В-третьих, часть социальной реальности советская культура тщательно скрывала, выработав не только в рамках искусства, но и в сферах теоретического знания и социальной коммуникации особую форму иносказания с функцией скрытого культурного кода.

Фрагментация органической целостности советской культуры как тренд отдельных исследований не позволяет увидеть причины серьезных трансформаций российского общества как в 1920-х, так и в 1990-х гг. Это не соответствует постнеклассической научно-философской парадигме формирования общесистемных представлений о динамике саморазвивающихся систем в целом и, в частности, назначению культурологии, призванной наполнить теоретическими представлениями образовавшийся междисциплинарный вакуум исследований культуры. Выделение сущностных противоречий советской культуры ведет к ее типологическому моделированию как социокультурного организма, характеризующегося уникальной культурной идентичностью составляющих его социальных субъектов. Эволюция культурной идентичности – процесс более сложный, чем смена парадигмы развития социокультурного организма. И советская культура формировалась не на пустом месте, наследуя сложные противоречия предшествующего времени. Современная отечественная культура остается сложным организмом, которая во многом «по-советски» ассимилирует внешние влияния.

Литература

1. *Манаенков А.И.* Культурный фронт в годы Великой Отечественной войны. М. : Знание, 1988. 62 с.

2. *Советское* богатство : Статьи о культуре, литературе и кино к 60-летию Ханса Гюнтера / ред. М. Балина, Е. Добренко, Ю. Мурашов. М. : Академический проект, 2002. 455 с.

3. *Гусейнов А.А., Запесоцкий А.С., Межуев В.М. и др.* Культурология как наука: за и против (материалы обсуждения) // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 3–31.

4. *Матросова Н.К.* Типологический модус целостности. СПб. : Нестор-История, 2016. 288 с.

5. *Забулионите А.К., Коробейникова Л.А.* Онтология целостности в проекте российской культурологи // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4(24). С. 47–60. DOI: 10.17223/22220836/24/5.

6. *Стёпин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.

7. *Флиер А.Я.* Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6. С. 24–30.

8. *Kenez P.* A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. New York : Cambridge University Press, 2006. 342 p.

9. *Kenez P.* Cinema and Soviet Society from the Revolution to the Death of Stalin. Londres et New York : I.B. Tauris, 2001. 264 p.

10. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л.Ю. Пантина : 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2008. 336 с.

11. *Лях В.И.* К вопросу об архитектуре концепта «культура советского общества» // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 53–56.

12. *Riesman D., Denney R., Glazer N.* The Lonely Crowd : A Study of the Changing American Character. New Haven, 1950. 315 p.

13. *Hebdige D.* Subculture: The meaning of style. London; New York : Routledge, 1979. 208 p.

14. *Brake M.* The sociology of youth culture and youth subcultures : Sex and drugs and rock ‘n’ roll? London : Routledge & Kegan Paul, 1980. 204 p.

15. *Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н. и др.* Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках: на примере молодежной культуры // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2009. № 8 (63). С. 30–41.

16. *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.

17. *Барков А.Н.* Роман Булгакова «Мастер и Маргарита» : альтернативное прочтение. Киев : САТ «Текна А/Т», 1994. 300 с.

18. *Луначарский А.В.* Социалистический реализм : доклад на 2-м пленуме Оргкомитета Союза писателей СССР 12 февраля 1933 года // Наследие А.В. Луначарского, 2010–2018 [Электронный ресурс]. URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/socialisticeskij-realizm/ (дата обращения: 01.07.2018).

19. *Культура.* Власть. Социализм: противоречия и вызовы культурных практик СССР: Луначарский и не только / ред. Л.А. Булавка. М. : ЛЕНАНД, 2013. 496 с.

20. *Луначарский А.В.* Задачи социал-демократического художественного творчества // Наследие А.В. Луначарского, 2010–2018 [Электронный ресурс]. URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/zadaci-social-demokraticeskogo-hudozestvennogo-tvorcestva/ (дата обращения: 02.07.2018).

21. *Коваленко Т.В.* «Соединяя воспитание с материальным производством…» : практика пропаганды научно-популярных фильмов на селе [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2016. № 1. С. 25–36. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Kovalenko.pdf. (дата обращения: 02.07.2018).

22. *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М. : Правда, 1990. 656 с.

23. *Ахиезер А.С.* Социокультурная динамика России. 2-е изд. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. 804 с.

24. *Межуев В.М.* Идея культуры: очерки по философии культуры. М. : Университетская книга; Прогресс-Традиция, 2012. 403 с.

25. *Касавин И.Т.* Познание как иносказание : Человек после крушения Вавилонской башни // Языки культур : Взаимодействия. М. : Российский институт культурологии, 2002. С. 9–29.

Arkhangel'skii Yury E., Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation).
E-mail: uraarhangel@rambler.ru
Naydenko Mikhail K., Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation).
E-mail: naidenko07@mail.ru
Lyakh Valentina I., Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation).
E-mail: valentinalaich@mail.ru
Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 31, pp. 282–293.
DOI: 10.17223/22220836/31/29

SOVIET CULTURE: THE NATURE AND CONTRADICTIONS

Keywords: Soviet culture; ontogenetic contradictions; socialist realism; dialectics of development; cultural studies.

The growing research interest in Soviet culture both in domestic science and abroad is due to the need to understand the role of this phenomenon in the cultural life of Soviet society in the context of the development of Russian and European cultures, global changes in the paradigms of cultural development under the impact of the social and historical upheavals of the 20th century.

In the categories of Soviet-era cultural policy, the concepts of Soviet culture, the culture of Soviet society, the culture of the Soviet people, and a number of related derivatives were determined by the ideological content of the construct of advanced Soviet culture, opposed to the concepts of culture in pre-revolutionary Russia, the "decaying West, historical epochs, etc. Soviet culture was conceived as a result of the creativity and creative labor of the Soviet people with the role of the unique personality zhnika which had to be an example embodiment of the image Soviet person positioned as a moral ideal people. However, this idealized construct had real content that did not boil down to ideological or propaganda work.

When it comes to the special identity of the Soviet man (homo sovieticus), most researchers agree that there existed and functioned some cultural and historical phenomenon, an integral part and result of which was the specific value organization of a person's personal culture. The image of the

Soviet man occupies a central place in the artistic culture of the USSR. But not only artistic culture formed it. Therefore, it is essential to distinguish the concepts of culture of Soviet society, which has, first of all, socio-historical connotations, and Soviet culture, based on symbolic and stylistic categories.

The concept of culture of Soviet society has a complex architectonics. The culture of Soviet society consisted of a leading cultural paradigm (Soviet culture) and individual subcultural formations of value and stylistic heterogeneity. At the same time, Soviet culture thus existed simultaneously as an ideology of the cultural policy of the USSR and a sociocultural organism whose life predetermined the paradigm for the development of the culture of Soviet society. Socialist realism as a style and aesthetic conception of Soviet culture from the very beginning and throughout the era of its primacy in the aesthetic standards of the official art of the USSR is formed from artistic material of various styles without aesthetic principles of selection at the base, inheriting ideological criteria for assessing plots, characters, actions, compositions, etc. In connection with this, in the modern humanitarian knowledge there is an active discussion on the development of criteria for assessing the content of this phenomenon.

Discovered ontogenetic contradictions of Soviet culture lead to the conclusion that reducing this phenomenon to a totalitarian type of culture does not allow us to theoretically disclose its entire complex nature. On the whole, these contradictions should be studied in more detail, since they reveal the inner dialectic of the development of Soviet culture and allow one to trace its genesis in the historical interval between 1920–1980.

References

1. Manayenkov, A.I. (1988) *Kul'turnyy front v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Cultural Front during the Great Patriotic War]. Moscow: Znaniye.

2. Balina, M., Dobrenko, Ye. & Murashov, Yu. (eds) (2002) *Sovetskoye bogatstvo: Stat'i o kul'ture, literature i kino k 60-letiyu Khansa Gyuntera* [Soviet Wealth: Articles on culture, literature and cinema for the 60th anniversary of Hans Gunter]. Moscow: Akademicheskiy proyekt.

3. Guseynov, A.A., Zapesotskiy, A.S., Mezhuyev, V.M. et al. (2008) Kul'turologiya kak nauka: za i protiv (materialy obsuzhdeniya) [Culture studies as a science: for and against (materials of discussion)]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 3–31.

4. Matrosova, N.K. (2016) *Tipologicheskiy modus tselostnosti* [Typological mode of integrity]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

5. Zabulionite, A.K. & Korobeynikova, L.A. (2016) Ontology of whole in the project of Russian Culturology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4(24). pp. 47–60. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/24/5

6. Styopin, V.S. (2000) *Teoreticheskoye znaniye: struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [heoretical knowledge: structure, historical evolution]. Moscow: Progress-Traditsiya.

7. Fliyer, A.Ya. (2015) Kul'turnaya atributsiya kak metod issledovaniya [Cultural attribution as a method of research]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 6. pp. 24–30.

8. Kenez, P. (2006) *A History of the Soviet Union from the Beginning to the End*. New York: Cambridge University Press.

9. Kenez, P. (2001) *Cinema and Soviet Society from the Revolution to the Death of Stalin*. London; New York: I.B. Tauris.

10. Fitzpatrick, Sh. (2008) *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod* [Everyday Stalinizm: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s]. Translated from English by L.Yu. Pantina. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.

11. Lyakh, V.I. (2010) K voprosu ob arkhitekture kontsepta "kul'tura sovetskogo obshchestva" [On the architecture of the concept "the culture of Soviet society"]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 2. pp. 53–56.

12. Riesman, D. Denney, R. & Glazer, N. (1950) *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. New Haven: Yale University Press.

13. Hebdige, D. (1979) *Subculture: The Meaning of Style*. London; New York: Routledge.

14. Brake, M. (1980) *The sociology of youth culture and youth subcultures : Sex and drugs and rock 'n' roll?* London: Routledge & Kegan Paul.

15. Belousova, M.M., Melnik, Yu.M., Rimskaya, O.N. et al. (2009) Metodologiya issledovaniya subkul'tur v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh: na primere molodezhnoy kul'tury [The methodology of studying subcultures in social and human sciences: a case study of youth culture]. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo – Bulletins of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*. 8(63). pp. 30–41.

16. Dobrenko, Ye. (2007) *Politekonomiya sotsrealizma* [Political Economy of Socialist Realism]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

17. Barkov, A.N. (1994) *Roman Bulgakova "Master i Margarita": al'ternativnoye prochteniye* [Bulgakov's "The Master and Margarita": an alternative interpretation]. Kyiv: Tekna A/T.

18. Lunacharsky, A.V. (n.d.) *Sotsialisticheskiy realizm : Doklad na 2-m plenume Orgkomiteta Soyuza pisateley SSSR 12 fevralya 1933 goda* [Socialist realism: A report at the 2nd plenum of the Organizing Committee of the Writers' Union of the USSR on February 12, 1933]. [Online] Available from: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/socialisticeskij-realizm/. (Accessed: 1st July 2018).

19. Bulavka, L.A. (ed.) (2013) *Kul'tura. Vlast'. Sotsializm: protivorechiya i vyzovy kul'turnykh praktik SSSR: Lunacharskiy i ne tol'ko* [Culture. Power. Socialism: the contradictions and challenges of cultural practices of the USSR: Lunacharsky and others]. Moscow: LENAND.

20. Lunacharsky, A.V. (n.d.) *Zadachi sotsial-demokraticheskogo khudozhestvennogo tvorchestva* [Tasks of social-democratic art creativity]. [Online] Available from: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/zadaci-social-demokraticeskogo-hudozestvennogo-tvorcestva/. (Accessed: 2nd July 2018).

21. Kovalenko, T.V. (2016) "Soyedinyaya vospitaniye s material'nym proizvodstvom…": praktika propagandy nauchno-populyarnykh fil'mov na sele ["Connecting education with material production . . .": propaganda of popular science films in the village]. *Naslediye vekov*. 1. pp. 25–36. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Kovalenko.pdf. (Accessed: 2nd July 2018).

22. Losev, A.F. (1990) *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works]. Moscow: Pravda.

23. Akhiyezer, A.S. (1997) *Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii* [Socio-cultural dynamics of Russia]. 2nd ed. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.

24. Mezhuyev, V.M. (2012) *Ideya kul'tury: ocherki po filosofii kul'tury* [The idea of culture: essays on the philosophy of culture]. Moscow: Universitetskaya kniga; Progress-Traditsiya.

25. Kasavin, I.T. (2002) Poznaniye kak inoskazaniye: Chelovek posle krusheniya Vavilonskoy bashni [Cognition as allegory: Man after the collapse of the Tower of Babel]. In: Rabinovich, V. (ed.) *Yazyki kul'tur: Vzaimodeystviya* [Languages of Cultures: Interactions]. Moscow: Russian Institute of Culture Studies. pp. 9–29.